

DOI 10.35775/PSI.2025.125.1.025

УДК 32.327

Г.В. АБИЛОВА

кандидат филологических наук,
докторант МГИМО МИД России, директор международной
школы БРИКС+, Россия, г. Москва
E-mail: brics_school@mail.ru
ORCID: 0009-0003-8598-0203

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПАССИВНОСТЬ СТРАН-ЧЛЕНОВ БРИКС В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВАХ: РИСКИ МАРГИНАЛИЗАЦИИ И ПОТЕРИ СУВЕРЕННОГО ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

*Неравное участие стран в многосторонних образовательных структурах порождает разделение ролей: одни государства задают правила регулирования, другие вынуждены следовать чужим стандартам. Такое распределение сказывается на суверенном влиянии и накоплении «мягкой силы». Исследование ставило две задачи: количественно оценить уровень институционального участия стран-основателей БРИКС в образовательных инициативах; выявить связи интенсивности участия с нормативным влиянием на общее образовательное пространство. Методологическая схема последовательного объяснения интегрировала количественные и качественные инструменты анализа. Экспертный дельфийский опрос (n=12) обеспечил валидацию весовых коэффициентов по пяти категориям показателей. Документальный анализ сформировал массив сведений по 15 индикаторам для пяти государств за десятилетие (2015-2024). Двадцать полуструктурированных экспертных интервью прошли тематический анализ по протоколам Braun & Clarke. Среди статистических процедур применялись *tip-tax*-нормализация, корреляция Спирмена, кластеризация методом *k-means*. Интегральный индекс институционального участия (ИПИ) зафиксировал заметные расхождения показателей: Китай набрал 0,89; Россия – 0,75; Индия – 0,61; ЮАР – 0,46; Бразилия – 0,38. Высокая корреляция соединила уровень участия и нормативное влияние ($\rho=0,91$; $p<0,01$). Кластерный анализ обнаружил три типа государств: «лидеры», «средние исполнители», «аутсайдеры». Коэффициент силуэта (0,71) свидетельствовал о надежности кластеризации. Бразилия показала единственную отрицательную траекторию (-21%): 68% отказов от инициатив указывали на острую нормативную маргинализацию. Экспертные беседы (17,5 часов транскрипции, 312 страницы) выделили три главных детерминанты пассивности: внутреннюю политическую нестабильность (85%), конкурирующие приоритеты (90%), ресурсный дефицит (75%). Разработанная методология открывает путь к систематическому мониторингу взаимодействия стран-участниц региональных*

объединений. Сформулированы шесть политических рекомендаций – ротация председательства, уравнилельные фонды, квоты на инициативы – для снижения рисков маргинализации. Инструментарий пригоден для стратегического планирования координационных структур БРИКС; он адаптируется к мониторинговым программам ЮНЕСКО и ОЭСР.

Ключевые слова: БРИКС, институциональная пассивность, образовательное партнерство, интеграция высшего образования, асимметричная взаимозависимость, управление высшим образованием, академическая мобильность, нормативное регулирование, мягкая сила, региональная интеграция, координация политики.

Введение. Контекстуализация проблемы. В 2020-х годах глобальное управление высшим образованием переживает период турбулентности: региональные блоки соперничают за влияние на политические стандарты и механизмы признания [19. Р. 101-115]. Группа БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) инициировала флагманские образовательные проекты – Сетевой университет БРИКС и Университетскую лигу БРИКС. Вместе с тем научные оценки фиксируют устойчивый разрыв риторических амбиций и практических результатов [33. Р. 103-122]. Сравнительные исследования выявляют типичную закономерность: многосторонние образовательные проекты стагнируют при неравномерном вовлечении стран-участниц [36. Р. 90-102]. Та же тенденция прослеживается в разных региональных объединениях.

Предпосылки институциональной пассивности. Разнородность национальных регуляторных сред создает структурные препятствия для согласованных действий [11. Р. 76-87]. Аккредитационные процедуры, циклы финансирования и системы обеспечения качества заметно расходятся от страны к стране. Наднациональные механизмы координации пока недостаточно развиты [28. Р. 212-243]. Экономическая и финансовая повестка саммитов вытесняет гуманитарную тематику. Дискуссионность концепции «незападной» интернационализации затрудняет консенсус: конкурирующие трактовки партнерства накладываются на унаследованную зависимость от евроатлантических стандартов [18. Р. 120-143].

Последствия и риски. Избирательное участие ведет к асимметрии итогов [17. Р. 493-522]. Активные государства формируют нормативные правила; пассивные члены вынуждены следовать внешне заданным шаблонам. Анализ потоков студенческой мобильности вскрывает дисбаланс: Китай принимает непропорционально много студентов из БРИКС [14]. Такая концентрация закрепляет иерархию вместо паритетного обмена. Риски маргинализации не сводятся к количественным показателям. Дискурсивное исключение из экспертных рабочих групп, отсутствие в политических документах ослабляют суверенное воздействие на общие образовательные повестки. Потенциал «мягкой силы» – совместные степени, взаимно признанные квалификации – остается нераскрытым при дефиците координации [2].

Современные тенденции и международный опыт. Болонский процесс выступает эталоном наднационального регулирования [20. Р. 301-321]. Механизмы «мягкого права» и экспертной оценки обеспечивают конвергенцию без стирания национальных особенностей. Программа SHARE ACEAN и Панафриканский университет демонстрируют альтернативные пути гармонизации [22. Р. 590-607]. У каждого – свои координационные дилеммы. Инициатива «Пояс и путь» формирует отдельный вектор образовательной интеграции [15. Р. 38-55]. Стипендиальные программы и инфраструктурные инвестиции по-своему меняют партнерские системы.

Мотивация и обоснование актуальности. Разработка методологических инструментов измерения институционального участия признается научным пробелом [35. Р. 131-146]. Единые индикаторы для нормативного, финансового и организационного измерений участия в существующих исследованиях отсутствуют. Выявление корреляций участия и нормативного влияния приобретает универсальное значение [24. Р. 149-165]. Любое региональное объединение сталкивается со схожими проблемами неравной приверженности участников. Практическая значимость состоит в доказательных рекомендациях по укреплению механизмов участия [12. Р. 225-243]. Их реализация снизит риски маргинализации и сохранит суверенные полномочия при формировании общего образовательного пространства. Исследование откликается на призывы к лонгитюдной схеме, триангуляции смешанных методов, критическому анализу властных отношений внутри номинально равноправных объединений [32].

Обзор литературы. Теоретические подходы к изучению интеграции образования в региональных альянсах. Неолиберальный институционализм трактует образовательное партнерство в терминах снижения транзакционных издержек и унификации регуляторных стандартов [34]. Институты обеспечивают информационный обмен, стабилизируют ожидания участников, координируют действия без гегемонистского принуждения. Применение данной парадигмы к БРИКС вызывает критику. Объединения с минимальной наднациональной властью и добровольными обязательствами расходятся с допущениями об обязательных правилах и действенном принуждении. Конструктивистская традиция акцентирует роль идентичности и разделяемых норм при формировании образовательного пространства [33. Р. 103-122]. Декларации БРИКС артикулируют «альтернативную» модель партнерства: солидарность Юг-Юг и взаимная выгода. Теория асимметричной взаимозависимости рассматривает неравенство в качестве источника иерархий внутри формально эгалитарных групп. Эмпирический анализ сетей соавторства фиксирует: китайские институты занимают центральные позиции, принимают большинство студентов из БРИКС, координируют исследовательское партнерство [14].

Эмпирические исследования образовательных инициатив стран БРИКС. Институциональный анализ Сетевого университета БРИКС фиксирует устойчивый разрыв амбиций и реализации [11. Р. 76-87]. Набор студентов на совместные программы ограничен. Процедуры признания кредитов фрагментированы,

административные ресурсы зависят от добровольных обязательств отдельных университетов. Библиометрическое картирование онлайн-обучения обнаруживает выраженную асимметрию [23]. Из 971 публикации на Китай приходится 366, на Индию 267, на ЮАР 254, на Бразилию 94, на Россию всего 2. Такое распределение отражает неравномерность участия в программах цифрового образования. Сравнительные исследования национальных стратегий интернационализации обнаруживают разрыв риторики и практики [21. Р. 5194-5208]. Политические документы приоритизируют партнерство с БРИКС. Потоки финансирования, режимы оценки, карьерные стимулы продолжают ориентироваться на академические центры Европы и Северной Америки. Анализ программ двойных дипломов выявляет операционные ограничения [18. Р. 120-143]. Различия в правилах аккредитации, языковые барьеры, краткосрочность проектного финансирования затрудняют устойчивую интеграцию учебных программ.

Расхождения в теории, методологии и выводах. Методологические расхождения присутствуют по всей литературе. Единые индикаторы для измерения «институциональной активности» в образовательном партнерстве не установлены [36. Р. 90-102]. Исследования колеблются от количественных показателей (публикации, потоки мобильности, бюджетные ассигнования) к качественным оценкам (интервью, политические нарративы). Результаты оказываются несопоставимыми. Теоретический конфликт порождается двойственным статусом БРИКС: «клуб» с минимальной институционализацией versus региональный блок для интеграционного анализа [28. Р. 212-243]. Понятия транзакционных издержек или наднационального управления слабо сочетаются с добровольными мягкоправовыми договоренностями. Интерпретации роли Китая расходятся кардинально [12. Р. 225-243]. Одна позиция трактует его гегемоном, односторонне формирующим нормы; другая видит *primus inter pares*, координирующим постепенный консенсус. Практические расхождения обнаруживаются при сопоставлении официальной риторики и бюджетной реальности [29. Р. 101-122]. Декларируемый приоритет образовательного партнерства сосуществует с незначительными ассигнованиями, слабым мониторингом, опорой на краткосрочные гранты вместо устойчивого совместного финансирования.

Пробелы и ограничения в исследованиях. Продольные исследования динамики институционального участия государств-членов редки [35. Р. 131-146]. Большинство анализов опирается на поперечные срезы, неспособные отразить траектории или переломные точки. Концепция «институциональной пассивности» не операционализирована для сектора образования [27. Р. 1-6]. Проверенный инструмент разграничения пассивного и активного участия по нормативным, финансовым, организационным параметрам отсутствует. Систематизированные данные о вкладе отдельных государств в нормативно-правовую базу образовательного партнерства отсутствуют [30]. Архивы обсуждений рабочих групп и проекты документов неполны или недоступны. Процессы принятия решений на уровне министерских встреч и тематических комитетов БРИКС изучены слабо. Это делает непрозрачными механизмы формирования

повестки дня и определения приоритетов инициатив. Негосударственные субъекты (университеты, академические ассоциации, студенческие организации) в значительной степени игнорируются в исследованиях институционализации [13]. Участие снизу вверх способно решить, превратятся ли официальные соглашения в устойчивую практику.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Однако проблему институционального участия стран БРИКС в образовательных инициативах нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Цель исследования. Цель исследования интегрирует политологию, сравнительное образование и количественную методологию. Две центральные задачи: оценить уровень институционального участия стран БРИКС в образовательных инициативах; установить корреляции интенсивности вовлечения с нормативным влиянием на общее образовательное пространство.

Задачи исследования. Исследование включает четыре последовательные задачи. Первая задача: разработка валидированной методологии измерения институционального участия в многосторонних образовательных инициативах. Вторая задача: сравнительный анализ участия государств-основателей за период 2015-2024 годов. Третья задача: выявление факторов пассивности посредством анализа национальных стратегий и экспертных интервью. Четвертая задача: оценка рисков маргинализации и формулирование рекомендаций.

Методы и материалы. Последовательная объяснительная схема смешанных методов структурирует исследование на шесть этапов. На первом этапе (месяцы 1-2) экспертный дельфийский опрос (n=12) валидирует весовые коэффициенты показателей. На втором этапе (месяцы 3-5) документальный анализ формирует базу данных: 15 показателей для пяти государств за десятилетие. На третьем этапе (месяц 6) количественные процедуры генерируют Интегральный индекс институционального участия (ИПИ). На четвертом этапе (месяцы 7-8) полуструктурированные интервью собирают качественные данные. На пятом этапе (месяцы 9-10) тематический анализ генерирует закодированные результаты. На шестом этапе (месяцы 11-12) триангуляция обобщает выводы.

Количественная выборка охватывает пять государств (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и четыре инициативы: Сетевой университет БРИКС, Университетская лига, Программа академических обменов, Форум молодых ученых. Временной охват: 2015-2024 годы. Качественная выборка включает 20 экспертов (по четыре от каждого государства), отобранных методом целенаправленной выборки и «снежного кома». Критерии включения: три и года координационного опыта либо пять и рецензируемых публикаций.

Пятнадцать показателей сгруппированы в пять категорий. Нормативный вклад: инициированные проекты документов, процент принятия предложений.

Организационная деятельность: проводимые мероприятия, посещение встреч. Финансовый вклад: целевое финансирование, софинансирование. Кадровое представительство: членство в координационных органах. Академическая мобильность: входящие и исходящие потоки. Качественные процедуры следуют шестиступенчатому протоколу тематического анализа Braun & Clarke.

Количественные процедуры выполняются в SPSS v.28: min-max-нормализация, взвешивание по результатам дельфийского опроса, агрегирование ИПИ ($IPI = \sum w_i \times N_i$), корреляция Спирмена, кластеризация k-means ($k=3$), ANOVA. ATLAS.ti v.9 обеспечивает качественное кодирование. Междокодерная согласованность соответствует критерию Коэна ($\kappa \geq 0,75$).

Письменное информированное согласие предшествовало каждому интервью. Анонимизация обеспечивается буквенно-цифровыми кодами (E1-BR, E2-RU). Зашифрованное облачное хранилище ограничивает доступ к данным. Протоколы обработки соответствуют нормам GDPR.

Неполнота архивов способна привести к недооценке нормативного вклада. Перекрестная верификация посредством интервью смягчает данное ограничение. Языковые барьеры предполагают двойной перевод с проверкой носителем языка. Исключение членов группы после 2024 года ограничивает экстраполяцию. Смещение социальной желательности в экспертных ответах нивелируется анонимизацией и триангуляцией.

Результаты. Методология измерения институциональной вовлеченности.

Таблица 1. Распределение веса категорий по раундам Дельфи

Категория	Вес (раунд 1)	Вес (раунд 2)	Вес (окончательный)	АВТОБИОГРАФИЯ
Нормативный вклад	0.28	0.26	0.25	12%
Организационная деятельность	0.18	0.19	0.20	11%
Финансовый вклад	0.22	0.21	0.20	14%
Представительство персонала	0.14	0.15	0.15	13%
Академическая мобильность	0.18	0.19	0.20	10%

Источник: авторская разработка.

Три анонимных раунда обеспечили консенсус при коэффициенте вариации ниже 15%. Сближение весовых коэффициентов по итерациям указывает на существенные аналитические закономерности. Нормативный вклад (изначально

0,28) снизился до 0,25. Эксперты пересмотрели относительную значимость нормотворчества по сравнению с оперативным участием. Академическая мобильность достигла минимального коэффициента вариации (CV=10%): эксперты сошлись во мнениях. Финансовый вклад показал максимальный разброс (CV=14%), отражая спорные интерпретации достоверности бюджетных данных.

Формула интегрального индекса институционального участия. Валидированный инструмент применяет взвешенное агрегирование: $ИПИ = 0,25 \times N_1 + 0,20 \times N_2 + 0,20 \times N_3 + 0,15 \times N_4 + 0,20 \times N_5$. Переменные N_1-N_5 суть нормализованные баллы категорий, масштабированные в диапазоне [0;1].

Валидация метода.

Таблица 2. Параметры валидации

Параметр	Метод	Результат	Интерпретация
Внутренняя согласованность	α Кронбаха	0.82	Хорошая надежность
Конструктивная валидность	Корреляция экспертных оценок	$r=0.89$	Высокая валидность
Временная стабильность	Тест-ретест (3-месячный интервал)	$r=0.91$	Стабильность подтверждена
Дискриминантная валидность	ANOVA между состояниями	$F=18,7; p<0,001$	Эффективная дискриминация

Источник: авторская разработка.

Коэффициент Кронбаха ($\alpha=0,82$) подтверждает внутреннюю согласованность пятнадцати показателей. Корреляция экспертных оценок ($r=0,89$) подтверждает операционализацию конструкта. Инструмент отражает то, что практики признают институциональным участием. Результаты ANOVA ($F=18,7; p<0,001$) подтверждают способность методики дифференцировать уровни вовлеченности государств.

Пилотное тестирование (данные за 2020 год). Применение методики к пяти государствам-основателям дало ранговую корреляцию $\rho=0,90$ относительно априорных экспертных рейтингов. Китай набрал ИПИ=0,84, Россия 0,72, Индия 0,57, ЮАР 0,43, Бразилия 0,41. Операционные доработки устранили неоднозначность финансовых показателей. Источники бюджетной документации стандартизированы для всех национальных систем отчетности.

Сравнительный анализ уровней вовлеченности.

Таблица 3. Динамика ИИУУ по государствам-учредителям

Государство	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Δ%
Китай	0.78	0.79	0.80	0.82	0.83	0.84	0.85	0.86	0.88	0.89	+14%
Россия	0.71	0.72	0.73	0.74	0.73	0.72	0.72	0.73	0.74	0.75	+6%
Индия	0.52	0.52	0.53	0.55	0.56	0.57	0.58	0.59	0.60	0.61	+17%
Бразилия	0.48	0.47	0.44	0.45	0.43	0.41	0.41	0.40	0.39	0.38	-21%
Южная Африка	0.39	0.40	0.41	0.42	0.43	0.43	0.44	0.45	0.45	0.46	+18%

Источник: авторская разработка.

Продольный анализ выявил пять различных траекторий. Устойчивый рост Китая (с 0,78 до 0,89) подтверждает лидерство. Стагнация России (+6%) указывает на плато вовлеченности. Траектория Бразилии содержит переломную точку 2016-2017 годов: ИИУУ снизился с 0,47 до 0,44, совпав с внутривнутриполитическим кризисом.

Декомпозиция по категориям показателей (2024 год).

Таблица 4. Нормализованные баллы по категориям

Государство	Норматив-ный	Организа-ционные	Финансовый	Персонал	Мобильность
Китай	0.92	0.88	0.95	0.82	0.87
Россия	0.81	0.79	0.68	0.74	0.72
Индия	0.58	0.55	0.52	0.61	0.78
Бразилия	0.35	0.32	0.28	0.45	0.51
Южная Африка	0.41	0.48	0.35	0.52	0.58

Источник: авторская разработка.

Декомпозиция по категориям выявляет структурную асимметрию. Китай достигает максимального финансового вклада (0,95). Индия показывает сильные позиции по мобильности (0,78) при слабом финансовом участии (0,52). Депрессивный профиль Бразилии (финансовый балл 0,28, организационный 0,32) свидетельствует о систематическом неучастии.

Кластерный анализ.

Таблица 5. Типология государств

Кластер	Государства	Характеристика	Среднее значение МПИ
Лидеры	Китай	Высокая активность; нормотворческая роль	0.89
Средние показатели	Россия, Индия	Умеренная активность; позиция последователя	0.68
Аутсайдеры	Бразилия, Южная Африка	Низкая активность; реактивная позиция	0.42

Источник: авторская разработка.

Коэффициент силуэта (0,71) подтверждает качество кластеризации. Концентрация нормативного влияния оказалась значительной: на долю Китая и России приходится 73% суммарного нормотворческого вклада. Данное распределение подтверждает положение об асимметричной взаимозависимости.

Факторы институциональной пассивности.

Таблица 6. Интеграция БРИКС в национальные стратегии интернационализации

Государство	Наличие стратегии	Упоминание БРИКС	Количественные цели
Китай	Да («План 2035»)	Приоритетная область	В настоящее время
Россия	Да («Приоритет 2030»)	Упомянется	Только качественное
Индия	Да («НЭП 2020»)	Периферия	Отсутствует
Бразилия	Нет (с 2017 года)	Отсутствует	-
Южная Африка	Рамочный документ	Упомянется	Отсутствует

Источник: авторская разработка.

Анализ стратегических документов выявил разительные различия. Китай выделяет БРИКС в приоритетную область с измеримыми целями. Бразилия с 2017 года лишена целевой стратегии интернационализации; отсутствие стратегии напрямую коррелирует со снижением баллов ИРІ.

Тематический анализ экспертных интервью. Двадцать интервью (17,5 часов, 312 страниц транскрипции) достигли межкодерной согласованности $\kappa=0,78$.

Таблица 7. Темы первого порядка по частоте встречаемости

Тема	Частота	Наиболее пострадавшие государства
Конкурирующие приоритеты	90%	Все государства
Внутренняя политическая нестабильность	85%	Бразилия (100%), Южная Африка (75%)
Дефицит институциональных ресурсов	75%	Южная Африка (100%), Индия (75%)
Отсутствие национальной стратегии	70%	Бразилия (100%), Южная Африка (75%)
Языковые/культурные барьеры	60%	Бразилия (100%), Южная Африка (50%)
Скептицизм в отношении доходности	55%	Бразилия (75%), Южная Африка (50%)

Концептуальная модель. Три иерархических уровня структурируют факторы пассивности. Первый уровень (контекстуальный): внутренняя политическая нестабильность и экономические ограничения. Второй уровень (стратегический): отсутствие национальной стратегии, конкурирующие приоритеты, скептицизм. Третий уровень (оперативный): языковые барьеры, дефицит ресурсов, бюрократическая инертность. Двухнаправленные связи создают самоусиливающиеся контуры обратной связи.

Репрезентативные качественные выводы. Эксперт E2-BR заявила: «После 2016 года образовательная дипломатия Бразилии заморожена». Эксперт E3-IN отмечает: «БРИКС воспринимается прежде всего экономическим форумом; образование выступает необязательным дополнением». Эксперт E1-ZA отмечает: «Участие в БРИКС конкурирует с обязательствами по линии Африканского союза; ресурсов недостаточно для обоих направлений».

Триангуляция. Конвергенция количественных и качественных данных подтверждает выводы. Снижение ИРП Бразилии (2016-2017) согласуется с единодушной экспертной оценкой политического кризиса. Низкий финансовый вклад ЮАР (0,35) соответствует данным интервью о бюджетных ограничениях. Асимметричный профиль Индии (высокая мобильность 0,78, низкий нормативный вклад 0,58) отражает приоритет двусторонних форматов над многосторонними, выявленный экспертами.

Оценка рисков и рекомендации. Корреляционный анализ.

Таблица 8. Корреляции между МПИ и результатами

Переменные	ρ Спирмена	p-value	Интерпретация
МПИ \leftrightarrow Принятие нормативных инициатив	0.91	<0.01	Сильно положительный
МПИ \leftrightarrow Представительство в руководящих органах	0.87	<0.01	Сильно положительный
МПИ \leftrightarrow Цитирование итоговых документов	0.83	<0.05	Сильно положительный
Финансовый вклад \leftrightarrow Нормативное воздействие	0.94	<0.01	Очень сильное

Источник: авторская разработка.

Статистический анализ подтверждает центральный вывод: в государствах с МПИ<0,50 уровень принятия регуляторных инициатив ниже 15%. Финансовый вклад сильнее всего коррелирует с нормативным влиянием ($\rho=0,94$). Данная связь ставит в привилегированное положение богатых ресурсами членов.

Оценка рисков маргинализации.

Таблица 9. Оценка рисков по типам маргинализации

Тип	Показатель	Пороговый уровень риска	Государства в зоне риска
Норматив	Доля отказов от инициатив	>60%	Бразилия (68%), Южная Африка (54%)
Персонал	Представительство в координационном органе	<15%	Южная Африка (12%), Бразилия (14%)
Дискурсивный	Исключение из экспертной группы	Бинарный	Бразилия, Южная Африка
Репутационный	Негативные отзывы экспертов	>30%	Бразилия (45%)

Источник: авторская разработка.

Анализ рисков выявляет кумулятивные модели уязвимости. Бразилия превышает пороговые значения по всем четырем измерениям маргинализации. ЮАР регистрирует высокие уровни риска в трех категориях. Нормативная маргинализация выражена наиболее остро: 68% отклонения инициатив в Бразилии свидетельствует о систематическом исключении из нормотворческих процессов.

Разработанные рекомендации.

Таблица 10. Политические рекомендации

Код	Цель Проблема	Механизм	Ожидаемый эффект
R1	Концентрация влияния	Обязательная 2-летняя ротация председателей	Расширение доступа к повестке дня
R2	Дефицит ресурсов	Фонд выравнивания пропорционально ВВП	Снижение барьеров для участия
R3	Институциональная память	Постоянный многогосударственный секретариат	Преимущество координации
R4	Отсутствие стратегии	Механизм ежегодного экспертного обзора	Стимулирование стратегического планирования
R5	Нормативная маргинализация	Инициативные квоты (минимум 1 на штат)	Гарантированное представительство
R6	Дефицит компетенций	Программы обучения координаторов	Повышение качества участия

Источник: авторская разработка.

Каждая рекомендация имеет предпосылки реализации и сопутствующие риски. R1 предполагает политический консенсус; риск состоит в формальной ротации без реальной передачи влияния. R2 зависит от согласия доноров из Китая и России; сохраняется риск сопротивления перераспределению ресурсов. R3 предполагает устойчивое финансирование; риск состоит в бюрократическом окостенении. R4 предполагает принятие внешней критики. Отказ от участия в механизмах взаимной оценки выступает предсказуемой реакцией.

Обсуждение. Сравнение с предыдущими исследованиями. Документально подтвержденное лидерство Китая согласуется с наблюдениями предшествующих исследований [33. Р. 103-122]. Китайские институты доминируют в формировании образовательной повестки БРИКС, принимая непропорционально большую долю совместных программ и руководя тематическими рабочими группами. Снижение ПРІ Бразилии (-21%) согласуется с выводами о «деинтернационализации» бразильского высшего образования после сворачивания масштабных стипендиальных программ [26. Р. 144-175]. В отношении положения о единообразии фиксируются расхождения. Прежние исследования характеризовали

образовательное партнерство БРИКС симметрично неразвитым [35. Р. 131-146]. Настоящее исследование выявило существенную дифференциацию: ИПИ Китая (0,89) превышает ИПИ Бразилии (0,38) в 2,3 раза.

Интерпретация в теоретических терминах. «Институциональный изоморфизм» объясняет наблюдаемые закономерности. Принудительный изоморфизм действует при принятии пассивными государствами стандартов, сформулированных активными участниками, без содержательных дискуссий. Миметический изоморфизм фиксируется в распространении российских шаблонов координации по структурам управления Сетевого университета [11. Р. 76-87]. Концепция «политического предпринимательства» освещает проактивную нормотворческую роль Китая [14]. Китайские университеты занимают центральные позиции в сетях научного партнерства; библиометрический анализ подтверждает плотные кластеры вокруг флагманских институтов. Теория асимметричной взаимозависимости получает эмпирическое подтверждение [18. Р. 120-143]. Корреляция финансового вклада и нормативного влияния ($\rho=0,94$) подтверждает: ресурсные преимущества трансформируются в нормативное влияние в формально эгалитарных структурах.

Оценка валидности и ограничения. Триангуляция количественных показателей и экспертных интервью усиливает внутреннюю валидность. Десятилетний период наблюдения охватывает полные циклы инициатив. Междоерная согласованность ($\kappa=0,78$) соответствует приемлемому порогу для качественного анализа. Ограничения включают неполноту архивной документации по отдельным финансовым показателям и возможное смещение социальной желательности у экспертов, связанных с правительством.

Международный контекст и возможность переноса. Болонский процесс показывает: механизмы «мягкого права» в сочетании с экспертной оценкой способствуют сближению при сохранении национальной специфики [31. Р. 407-424]. Данную модель можно адаптировать для БРИКС посредством создания аналогичных структур сопровождения. Программа AIMS АСЕАН иллюстрирует: целевые схемы мобильности, закрепленные за региональными секретариатами, постепенно формируют общие стандарты без полной наднациональной власти. Панафриканский университет иллюстрирует распределенное управление несколькими кампусами, сочетающее континентальное руководство с реализацией в принимающей стране [25. Р. 27-52]. Данный опыт указывает на возможность заимствования странами БРИКС механизмов взаимного обучения [16. Р. 34-48]. Различия в институциональной культуре и чувствительность к суверенитету сдерживают прямую трансплантацию. Полученные результаты открывают возможность рассматривать образовательное партнерство БРИКС в терминах «дифференцированной интеграции». Участие с разной геометрией приводит к асимметричным результатам, ставящим под сомнение эгалитарные допущения многосторонних платформ Юг-Юг.

Выводы. Утвержденная методология (15 показателей по пяти категориям) обеспечивает систематическое измерение участия государств в многосторонних

образовательных инициативах. Значительная дифференциация характеризует участие членов БРИКС: показатели ИПИ варьируются от 0,89 (Китай) до 0,38 (Бразилия). Внутренняя политическая нестабильность, конкурирующие приоритеты и ограниченность ресурсов выступают ведущими факторами пассивности. Высокая корреляция ($\rho=0,91$) связывает интенсивность участия с нормативным влиянием. Государства с ИПИ < 0,50 достигают уровня принятия нормативных инициатив ниже 15%. Риски нормативной, кадровой и дискурсивной маргинализации наиболее остро ощущаются в Бразилии и ЮАР.

Исследование операционализирует «институциональную пассивность» для анализа образовательного партнерства. Данный концептуальный вклад устраняет признанные теоретические пробелы. Универсальный измерительный инструментальный применим к любой региональной группировке с неравномерным участием членов. Эмпирическое подтверждение асимметрии влияния развивает дискуссии о характере институционализации БРИКС. Практические рекомендации адресованы координационным органам. Методология поддерживает мониторинг динамики участия действующих и новых членов.

Стратегическое планирование национальной образовательной политики выигрывает от бенчмаркинга ИПИ. Региональные секретариаты и рабочие группы получают диагностические инструменты для оценки вовлеченности. Академические исследования интеграции приобретают воспроизводимые аналитические схемы. Программы мониторинга ЮНЕСКО и ОЭСР получают сравнительные показатели.

Расширение выборки за счет включения недавних участников БРИКС (Египет, Эфиопия, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия) откроет возможность выявления интеграционных траекторий новых членов. Продольное отслеживание влияния расширения на институциональную динамику заслуживает систематического внимания. Сравнительный анализ БРИКС, ШОС и ЕАЭС с применением разработанной методологии прояснит закономерности участия, присущие каждому блоку. Негосударственные акторы (университеты и академические ассоциации) заслуживают изучения в роли акторов институционализации. Влияние постпандемической цифровизации на формы и интенсивность партнерства образует новый исследовательский горизонт, нуждающийся в систематическом изучении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абилова Г.В.** Эффекты международного образовательного туризма для национальных учебных заведений и молодежной политики стран БРИКС // Вопросы политологии. 2025. № 5.
2. **Антонова Н.Л., Сущенко А.Д., Попова Н.Г.** «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства. 2020. Том 22. № 1. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-1-31-58>.

3. **Варшавская С.А., Бредихин А.В.** Актуальные направления гуманитарного сотрудничества стран-участниц БРИКС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 1.
4. **Волков А.П.** Центр-периферийная парадигма научно-образовательного сотрудничества государств БРИКС // Вопросы политологии. 2025. № 3.
5. **Караванский А.С.** Роль России и Китая в объединении БРИКС в условиях становления многополярного мира // Вопросы политологии. 2025. № 4.
6. **Лобанов Б.А.** Научно-техническое сотрудничество стран БРИКС+ в современных трансформациях мировой экономики // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. № 7.
7. **Медведева В.К., Медведев Н.П.** БРИКС +: современные проблемы и тенденции развития // Вопросы политологии. 2025. № 8.
8. **Рогатов П.Д.** Трансформация механизмов международных образовательных обменов в условиях геополитической турбулентности: сравнительный анализ программ FLEX, Фулбрайт и Болашак на постсоветском пространстве (1991-2025 гг.) // Вопросы политологии. 2025. № 7.
9. **Синь Шунь, Керимов А.А.** Гуманитарное сотрудничество: кейс России и Китая // Вопросы политологии. 2025. № 10.
10. Талагаева Д.А. Образование и научно технологическое развитие Китая: политические стратегии и внутренние вызовы // Вопросы политологии. 2025. № 11.
11. **Chernikov S.Y.** (2021). BRICS Network University potential as an educational platform for innovative cooperation. RUDN Journal of Economics, 29(1). <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-1-76-87>.
12. **Chisholm L. & Chissale A.** (2025). BRICS, sub-imperialism and education in Mozambique. Comparative Education, 61(2). <https://doi.org/10.1080/03050068.2024.2372209>.
13. **Daniels C.E.** (2025). Higher education in BRICS countries committed to the Sustainable Development Goals: Community engagement and research practices. International Journal of Learning, Teaching and Educational Research, 24(12), Article 15267. <https://ijlter.org/index.php/ijlter/article/view/15267>.
14. **Fan X., Liu H., Wang Y., Wan Y. & Zhang D.** (2022). Models of internationalization of higher education in developing countries: A perspective of international research collaboration in BRICS countries. Sustainability, 14(20), 13659. <https://doi.org/10.3390/su142013659>.
15. **Jiang X.** (2021). Internationalization of higher education under the Belt and Road Initiative: A systematic literature review. Beijing International Review of Education, 3(1). <https://doi.org/10.1163/25902539-03010003>.
16. **Jowi J.O.** (2024). Recent developments in higher education in Africa: Partnerships for knowledge transformations. Journal of International Cooperation in Education, 26(1). <https://doi.org/10.1108/JICE-11-2023-0037>.

17. **Kapfudzaruwa F.** (2024). Internationalization of higher education and emerging national rationales: Comparative analysis of the Global North and South. *Higher Education Policy*, 38(3). <https://doi.org/10.1057/s41307-024-00358-z>.
18. **Khomyakov M., Dwyer T. & Weller W.** (2020). Internationalization of higher education: Excellence or network building? What do BRICS countries need most? *Sociologias*, 22(54). <https://www.scielo.br/j/soc/a/5vKX3QwqHBN7NTNHNZHTHVQ/?lang=en>.
19. **Knight J.** (2024). Higher education cooperation at the regional level. *Journal of International Cooperation in Education*, 26(1). 101–115. <https://doi.org/10.1108/JICE-09-2023-0021>.
20. **Kushnir I.** (2022). The role of the European Education Area in European Union integration in times of crises. *European Review*, 30(3). <https://doi.org/10.1017/S1062798721000016>.
21. **Liu T., Hassan A. & Mohd Anuar M.A.** (2023). Internationalization of higher education in the context of emerging economies: Facing challenges and implementing policies by BRICS countries. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 13(12). <https://doi.org/10.6007/ijarbss/v13-i12/20365>.
22. **Lorenzo M.P.** (2022). ASEAN regionalism and cross-border research of Philippine higher education: The case of the University of the Philippines Diliman campus. *Globalisation, Societies and Education*, 20(5). <https://doi.org/10.1080/14767724.2021.1973888>.
23. **Masalimova A.R., Orekhovskaya N.A., Pivovarov V.A., Borovikova Y.V., Zhirkova G.P. & Chauzova V.A.** (2024). Analyzing trends in online learning in higher education in the BRICS countries through bibliometric data. *Frontiers in Education*, 9, 1409013. <https://doi.org/10.3389/educ.2024.1409013>.
24. **Moscovitz H. & Sabzalieva E.** (2023). Conceptualising the new geopolitics of higher education. *Globalisation, Societies and Education*, 21(2). <https://doi.org/10.1080/14767724.2023.2166465>.
25. **Nabaho L., Turyasingura W., Aguti J.N. & Andama F.A.** (2020). Understanding the governance dynamics of a supranational university: The African pioneering model. *Tuning Journal for Higher Education*, 8(1). [https://doi.org/10.18543/tjhe-8\(1\)-2020pp27-52](https://doi.org/10.18543/tjhe-8(1)-2020pp27-52).
26. **Neves C.E.B. & Barbosa M.L.O.** (2020). Internationalization of higher education in Brazil: Advances, obstacles, and challenges. *Sociologias*, 22(54). <https://www.scielo.br/j/soc/a/vd6H5x6RB56rrXkYzKDYGVB/>.
27. **Niemczyk E.K.** (2023). Vision for the post-pandemic education in BRICS. *Space and Culture, India*, 11(1). <https://doi.org/10.20896/saci.v11i1.1362>.
28. **Ogunbanjo B.** (2024). The politics of higher education in the BRICS countries. *Journal of Public Administration and Social Welfare Research*, 9(4) // <https://iiardjournals.org/get/JPASWR/VOL.%209%20NO.%204%202024/The%20Politics%20of%20Higher%2012-243.pdf>.

29. **Pletyago T. & Antonova S.** (2023). BRICS in creating digital educational environments: Social and legal aspects of «a new normal». *BRICS Law Journal*, 10(2). <https://doi.org/10.21684/2412-2343-2023-10-2-101-122>.
30. **Rababah A., Nikitina N.I., Grebennikova V.M., Gardanova Z.R., Zekiy A.O., Ponkratov V.V., Bashkirova N.N., Kuznetsov N.V., Volkova T.I., Vasiljeva M.V., Ivleva M.I. & Elyakova I.D.** (2021). University social responsibility during the COVID-19 pandemic: Universities' case in the BRICS countries. *Sustainability*, 13(13). 7035. <https://doi.org/10.3390/su13137035>.
31. **Ryabova E.V. & Cherkasova T.** (2020). National public control system in higher education: The Bologna process and Russian practice. *International Journal of Instruction*, 13(4). https://www.e-iji.net/dosyalar/iji_2020_4_2.pdf.
32. **Schendel R., DeLaquil T., Rensimer L. & McCowan T.** (2024). 'Aid' to higher education in a multiplex world: Exploring the diversity of donor discourses and rationales. *International Journal of Educational Development*, 111. 103162. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2024.103162>.
33. **Sun J. & Yang A.** (2021). Optimism beyond the problems: BRICS higher education cooperation from a Chinese perspective. *Revista Española de Educación Comparada*, 39. <https://doi.org/10.5944/reec.39.2021.29840>.
34. **Wardani R.Y. et al.** (2025). Barriers of regional economic cooperation development: Comparing SADC and RCEP through neoliberal institutionalism and linkage politics // <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1925209925000427>.
35. **Wolhuter C.C.** (2023). Education in the BRICS countries and the likely impact of the COVID-19 pandemic. *BRICS Journal of Economics*, 4(1). <https://doi.org/10.3897/brics-econ.4.e100736>.
36. **Wolhuter C.C. & Chigisheva O.** (2020). The scope of education in the BRICS countries as theme for comparative and international education scholarship. *Space and Culture, India*, 7(5). <https://doi.org/10.20896/saci.v7i5.681>.

G.V. ABILOVA

Ph.D. in Philology, doctoral researcher
at Moscow State Institute of International Relations,
director of BRICS+ International School,
Moscow, Russia
ORCID: 0009-0003-8598-0203

THE INSTITUTIONAL PASSIVITY OF BRICS MEMBER COUNTRIES IN EDUCATIONAL INITIATIVES: RISKS OF MARGINALIZATION AND LOSS OF SOVEREIGN INFLUENCE ON THE FORMATION OF A COMMON EDUCATIONAL SPACE

Unequal participation of countries in multilateral educational structures creates a division of roles: some states set regulatory rules, while others are forced to follow each other's standards. This division affects sovereign influence and the accumulation of soft power. The study aimed to quantify the level of institutional participation of the BRICS founding countries in educational initiatives and identify the links between the intensity of participation and the normative influence on the common educational space. A methodological framework of sequential explanation integrated quantitative and qualitative analytical tools. An expert Delphi survey (n=12) validated the weighting coefficients for five indicator categories. Documentary analysis generated a data set on 15 indicators for five countries over a decade (2015-2024). Twenty semi-structured expert interviews underwent thematic analysis according to the Braun & Clarke protocols. Statistical procedures used included min-max normalization, Spearman correlation, and k-means clustering. The Integrated Index of Institutional Participation (IIPI) recorded significant discrepancies in the indicators: China scored 0.89; Russia - 0.75; India - 0.61; South Africa - 0.46; Brazil - 0.38. A high correlation linked the level of participation and normative influence ($\rho=0.91$; $p<0.01$). Cluster analysis revealed three types of countries: «leaders,» «average performers,» and «outsiders.» The silhouette coefficient (0.71) indicated the reliability of the clustering. Brazil showed the only negative trajectory (-21%): 68% of initiative rejections indicated severe normative marginalization. Expert interviews (17.5 hours of transcription, 312 pages) identified three main determinants of passivity: domestic political instability (85%), competing priorities (90%), and resource scarcity (75%). The developed methodology paves the way for systematic monitoring of interactions between member countries of regional associations. Six policy recommendations have been formulated - rotation of presidency, equalization funds, and initiative quotas - to reduce the risks of marginalization. The toolkit is suitable for strategic planning of BRICS coordination structures and is adaptable to UNESCO and OECD monitoring programs.

Key words: BRICS, institutional passivity, educational partnership, higher education integration, asymmetric interdependence, higher education governance, academic mobility, regulatory framework, soft power, regional integration, policy coordination.